

СЮЖЕТ О ПЕРВОЙ МЕДИТАЦИИ В БУДДИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ

Статья посвящена сюжету о первой медитации Будды, как он представлен в литературе различных школ буддизма. В западной индологии господствует мнение об историчности данного сюжета. Однако сравнительный анализ всех его сохранившихся вариантов позволяет рассматривать предание о первой медитации как легенду, сформировавшуюся в ходе развития буддийской агиографии. Истоки этой легенды следует искать не в «исторической биографии» основоположника буддизма, а в древнем индийском фольклоре, ритуале, а также в индийской традиции аскезы.

Ключевые слова: Будда, буддизм, медитация, агиография, житие Будды, буддийский фольклор, первая медитация Будды, биография Будды.

Медитация, безусловно, одно из самых общеизвестных понятий, связанных в сознании европейца с буддизмом. Не удивительно, что этот экзотический для западного человека элемент восточной религии стал темой многих популярных книг и предметом ряда научных исследований. Однако европейское востоковедение традиционно изучает буддизм прежде всего с точки зрения истории философии. Образ «классического» буддиста, возникающий при чтении работ европейских ученых, представляет собой интеллектуала, занятого вопросами логики, гносеологии, метафизики и совершенно далекого от веры в чудеса, духов, богов, словом, во все то, чем наполнено буддийское искусство¹. Исследования, посвященные буддийской медитации, не являются исключением. Их авторы рассматривают медитацию в основном в ее философском и психологическом аспектах. Ученые ищут ее истоки в брахманистских учениях философов, повлиявших на формирование буддийской доктрины, изучают связь ее ступеней с «мирами» буддийского космоса, пытаются проанализировать

описанные в древних текстах изменения сознания медитирующего, используя достижения современной психологии².

Однако не следует забывать, что описания буддийской медитации встречаются не только в философских трактатах. Медитация еще и важный элемент множества сюжетов буддийской художественной литературы. Буддийская агиография полна рассказами о чудесах и сверхъестественных деяниях, и во многих ее сюжетах описывается, как Будда, собираясь совершить чудо, погружался в медитацию. Кроме того, два важнейших события жития основоположника буддизма – достижение просветления и уход в паринирвану – непосредственно связаны с медитацией. Поэтому несомненна необходимость ее изучения и в литературоведческом аспекте, в качестве мотива традиционной индийской агиографии.

Один из важных и интересных сюжетов, связанных с этим мотивом – сюжет о первой медитации, моменте, когда Гаутама впервые ощутил блаженство покоя и отсутствия желаний, к которому он будет стремиться в течение многих последующих лет. Именно воспоминание об этом событии побудили его отказаться от суровой аскезы и самоистязания и начать поиски «срединного пути» к освобождению. В этом эпизоде многое вызывает вопросы. Излагая его, источники порой противоречат друг другу. Связь между отдельными элементами повествования не всегда ясна.

Данной теме была посвящена статья Пауля Хорша «Первая медитация Будды»³. Главная задача, которую ставит перед собой немецкий учёный, – отделить первоначальное исторически достоверное ядро сюжета от позднейших мифологических наслоений. Придерживаясь подхода, предложенного ещё в конце XIX в. выдающимся индологом Германом Ольденбергом⁴, П. Хорш рассматривает тексты о Будде как источник, из которого с помощью исторической критики можно извлечь реальную биографию основателя одной из мировых религий. Излагая методы своего исследования, он формулирует четыре критерия историчности. Во-первых, следует приписывать историческому Будде те идеи, которые равно признаются всеми школами буддизма, такие как «четыре благородные истины», учение об отсутствии «Я» и прочие. Во-вторых, исторически достоверными стоит признавать события, описанные в текстах сухим и простым языком, без литературных изысков. В-третьих, историческими являются события, кажущиеся в памятниках древней агиографии «случайными», то есть собы-

тия, ничем не мотивированные, рассказ о которых не подразумевает какой-либо цели, а именно назидание либо восхваление. Наконец, достоверными следует считать события и высказывания, противоречащие тенденции к мифологизации, усиливавшейся с течением времени⁵.

На данных критериях основан анализ основных элементов сюжета о первой медитации, предпринятый Хоршем. Он выделяет следующие элементы сюжета: пахота, пребывание Гаутамы под деревом, собственно опыт медитации, связь медитации с обретением высшего знания⁶. Пытаясь обосновать достоверность эпизода первой медитации в целом, он обращается к теориям психологии, рассуждая о той важной роли, которую может иметь внезапное воспоминание из далекого прошлого в критические моменты жизни⁷.

Все четыре критерия могут быть оспорены. Третий из них представляется наиболее сомнительным, так как мотивация того или иного эпизода древнего сюжета не всегда бывает очевидной, и цель его изложения могла перестать осознаваться даже самими носителями традиции. Необоснованность того или иного эпизода может свидетельствовать скорее о его архаичности, чем о принадлежности к реальной истории. В древних культурах не редки случаи, когда смысл, стоящий за некоторым элементом сюжета, со временем забывался, но его важность продолжала осознаваться, тем самым обуславливая сохранение этого элемента в предании и порой побуждая к попыткам объяснить его существование за счет придания ему нового смысла. Опираясь на критерий «случайности», П. Хорш анализирует мотив пахоты, наблюдая за которой царевич Сиддхартха и погружается в первую медитацию. По мнению ученого, рассказ о пахоте в связи с медитацией совершенно не мотивирован, что свидетельствует в пользу его достоверности. При этом он обращает внимание на тот факт, что в ранних описаниях упоминается пахущий в поле царь Шуддходана. Занятие земледелием отца Будды противоречит статусу Гаутамы, что, как считает исследователь, идет в разрез с тенденцией мифологизации и возвышения основоположника религии и подтверждает правдоподобие эпизода и по четвертому критерию. При этом Хорш обращает внимание и на то, что в более поздних версиях жития мотив претерпевает изменения, и отец был «отстранён» от полевых работ. Причину этого исследователь видит в осознании вышеуказанного противоречия авторами более поздних, более мифологизированных жизнеописаний.

Вслед за Ольденбергом, Хорш заключает, что Шуддходана не был царём, а лишь крупным землевладельцем, находившимся в подчинении правителя Кошалы⁸.

Стоит ли считать эпизод с пахотой исторически достоверным? Действительно ли царский статус отца Гаутамы исключал его участие в пахоте? Следует вспомнить, что пахота – один из элементов *шраута*-ритуала, и, следовательно, царь как главный жертвователь иногда мог браться за плуг. Так, во время обряда *агничаяна* (сооружение алтаря), жертвователь должен вспахать тот участок земли, где будет сооружен алтарь («Шатапатха-брахмана» VI.2.2.2 – VI.2.2.21). Мотив пахущего царя известен и эпической традиции. Дочь царя Джанани Сита появилась на свет из борозды (санскр. *sītā*), проведенной самим правителем, вспахивавшим площадку для предстоящего жертвоприношения («Рамаяна» I.66.13–16).

Гораздо сложнее решить вопрос о «случайности» пахоты в рассказе. Упоминание о сельскохозяйственном труде в том или ином виде присутствует во всех вариантах сюжета и действительно кажется «немотивированным». Чтобы установить утраченный в традиции смысл соединения пахоты и медитации, необходим углубленный анализ всего сюжета.

В настоящей статье будет предпринята попытка сопоставить различные версии рассказа о первой медитации Будды, установить смысловую связь между основными его элементами и реконструировать его первоначальный вариант. Начать следует с сопоставления всех вариантов рассматриваемого сюжета.

Датировка текстов, к которым нам предстоит обратиться, даже относительная, вызывает большие сложности, что, как известно, характерно для всей литературы древней и средневековой Индии, поэтому последовательность, в которой источники будут представлены в данной работе, основана не столько на хронологии самих произведений, сколько на принятых в индологии представлениях о развитии направлений буддизма.

Наиболее древней разновидностью буддизма принято считать тхераваду. В состав палийского канона, содержащего учение этой школы, входит «Махасачкасутта» (*Mahāsaccakasutta*, «Великая сутта о Саччаке»). Этой же школе принадлежит и созданное позднее жизнеописание Будды «Ниданакатха» (*Nidanakatha*, «Сказание о начале»). Представитель школы сарвастивадинов, великий буддийский поэт

Ашвагхоша (I–II вв. н.э.) изложил жизнь основателя учения в своей поэме «Буддхачарита» (Buddhacarita, «Жизнь Будды»). От другой школы раннего буддизма, локоттаравады, сохранился еще один вариант жития – «Махавасту» (Mahāvastu, «Великое сказание»). Локоттаравада принадлежит к направлению махасангхиков, которое принято рассматривать как переход от раннего буддизма к махаяне. Среди последователей собственно махаяны особым почитанием пользуется повествование о духовном пути Гаутамы – «Лалитавистара» (Lalitavistara⁹). Все эти памятники содержат рассказ о первой медитации.

Рассмотрим интересные нас фрагменты.

Махасаччакасутта представляет собой беседу Будды с джайном по имени Саччака Аггивесана. Будда рассказывает о своих аскетических странствиях от учителя к учителю в поисках освобождения и о суровой аскезе, в которой он подвизался. Эпизод первой медитации изложен как воспоминание Будды, внезапно пробудившееся в нем в критический момент, когда в результате жестоких самоистязаний он находился на пороге смерти. Воспоминание о блаженстве, испытанном однажды в детстве, побудило Гаутаму отказаться от аскезы и избрать так называемый «срединный путь», который и привел его к просветлению.

Вот что я подумал, Аггивессана: «Из тех мучительных, неприятных, резких, болезненных, тягостных ощущений, которые в прошлые времена испытывали шраманы или брахманы, это самое сильное, нет его сильнее. Из тех мучительных, неприятных, резких, болезненных, тягостных ощущений, которые в будущие времена будут испытывать шраманы или брахманы, это самое сильное, нет его сильнее. Из тех мучительных, неприятных, резких, болезненных, тягостных ощущений, которые теперь испытывают шраманы или брахманы, это самые сильные, нет их сильнее. Воистину, благодаря этим тягостным и трудноосуществимым делам я не достигну высших человеческих состояний, лучших видения и знания, подобающих благородным. Может быть, есть другой путь к просветлению?» Вот, что я подумал, Аггивессана: «Помню, когда [мой] отец шакья работал, я сидел в прохладной тени дерева джамбу и, отбросив страсти, отбросив неблагие дхармы, наслаждался, погружившись в медитацию первой ступени – с рассуждением, с размышлением, рождённую различающим знанием, доставляющую радость и приятные ощущения. Может, это и есть путь к просветлению?» Вот какое осознание, Аггивессана, мне пришло вслед за воспоминаниями: «Это и есть путь к освобождению». Вот, что я подумал, Аггивессана: «Почему же я боюсь этого приятного ощущения, того приятного ощущения, которое не имеет отноше-

ния ни к страстям, ни к неблагим дхармам?» Вот, что я подумал, Аггивесана: «Не боюсь я этого приятного ощущения, того приятного ощущения, которое не имеет отношения ни к страстям, ни к неблагим дхармам»¹⁰.

«Ниданакатха», своего рода введение к сборнику палийских джатак, представляет собой последовательное изложение жития Будды. Этот памятник не входит в палийский канон и рассматривается как своего рода введение к собранию джатак. Повествование начинается со встречи Бодхисаттвы с буддой Дипанкарой в одной из прошлых жизней и заканчивается рассказом о формировании буддийской общины. «Ниданакатха» представляет раннюю стадию развития легенды о Будде¹¹. Сюжет о первой медитации в этом тексте следует сразу после рассказа о посещении младенца Гаутамы брахманами, предсказавшими его дальнейшую судьбу.

И вот, однажды у царя был праздник сева¹². В этот день весь город украшают, как жилище богов. Все слуги, работники и другие [люди], украшенные гирляндами, умещениями и прочим, одетые в новые одежды, собираются в царском дворце. Когда [в поле] работает царь, впрягается тысяча плугов. В этот день сто семь плугов вместе с быками, уздой и упряжью были украшены серебром, плуг же, который держал царь, был украшен сверкающим золотом. Рога, уздечки и стрекала быков были украшены золотом. Царь вместе с огромной свитой отправился [из дворца], взяв с собой сына. [Около] места работы было дерево джамбу с густой листвой и плотной тенью. Царь повелел постелить для сына подстилку, соорудить над ним шатер, покрытый золотыми блестками, прикрыть его завесой, установить [для него] охрану, а сам, украшенный всеми украшениями, окружённый множеством министров, пришёл на место пахоты. Там царь взял плуг [украшенный] золотом, министры – 107 плугов, [украшенных] серебром, пахари — остальные плуги. Взяв [их], они начали проводить борозды туда и обратно. Царь же то уходил далеко [с плугом], то возвращался обратно. Это место было исполнено большого величия. Няньки, сидевшие вокруг Бодхисаттвы, вышли из-под завесы [шатра, думая]: «Посмотрим на величие царя». Бодхисаттва огляделся вокруг, никого не увидел, быстро поднялся, сел скрестив ноги, успокоил дыхание и погрузился в медитацию первой ступени. Няньки задержались немного, бродя среди изысканных яств. Тени других деревьев сдвинулись, тень же того дерева стояла [на месте], приняв форму круга. Няньки, [вспомнив]: «сын благородного-то один [остался]», отодвинули завесу и, войдя внутрь, увидели Бодхисаттву, сидящего скрестив ноги, и это чудо [с тенью], пошли и сказали царю: «Господин, Бодхисаттва сидит так, и тени других деревьев

сдвинулись, тень же дерева джамбу стоит, круглая, на месте». Царь быстро пришёл и, увидев чудо, так сказал сыну: «[Выражаю] тебе, сынок, почтение второй раз^{13!}»¹⁴.

Среди наших источников поэма Ашвагхоши «Буддхачарита» является единственным авторским произведением. Из китайских и тибетских сочинений известно, что Ашвагхоша был современником императора Канишки, правившего во II в. н. э.¹⁵. Хотя текст относится к направлению хинаяна, в нем уже присутствуют некоторые элементы махаяны. Поэма написана на классическом санскрите и относится к жанру махакавы (искусственный эпос). Повествование включает в себя события от рождения Будды до первого буддийского собора. Интересующий нас отрывок входит в пятую главу произведения.

4. [Увидев] достоинства [этого] места, желая [прогуляться] по лесу, он углубился дальше в лес, и увидел, как пахут землю, борозды которой подобны волнам на воде.

5. Увидев эту землю в таком состоянии – с рассыпанными, разрезанными плугом пучками травы, усыпанную убитыми мелкими существами, червями и насекомыми — он ощутил скорбь, будто при убийстве родственника.

6. Видя пахущих мужей, красота которых поблекла от ветра, солнечных лучей и пыли, и волов, одолеваемых усталостью от бремени [плуга], высший среди благородных преисполнился высшей жалости.

7. Тогда, сойдя с коня, он медленно пошёл по земле и, охваченный печалью, скорбью, произнёс, размышляя о рождении и смерти [всего] живого: «Как же это горько!»

8. Желая [обрести] чистоту ума, он остановил следующих за ним друзей и подошёл в безлюдном месте к подножию дерева джамбу с прекрасными трепещущими листьями.

9. Он сел [там], где земля чиста и трава подобна ляпис-лазури, и, размышляя про себя о появлении и гибели живых существ, избрал путь покоя.

10. В тот момент, обретя покой ума, свободный от волнений [порождаемых] желаниями, объектами чувств и прочим, он достиг первой, спокойной ступени медитации, которой [свойственно] размышление и рассуждение и не присуще страдание.

11. Достигнув затем сосредоточенности ума, рождённой различающим знанием, [доставляющей] высшую радость и наслаждение, он после оставался умом погружённым в это [состояние], правильно созерцая путь мира.

12. «Как горько, что немощный человек, сам подверженный болезням, старости и гибели, несведущий, ослепленный страстью, испытывает отвращение к другому, мучимому старостью, больному или мёртвому!»

13. Если я сам, такой, пожелаю отвернуться теперь от другого, обладающего такой же природой, это будет нехорошо, неправильно для меня, познавшего эту высшую дхарму».

14. От него, так [сказавшего], правильно видящего вред, [который причиняют] миру болезнь, старость и смерть, в миг ушла страсть, пребывавшая в сердце, рождённая от [переполнявших его] силы, юности и жизни.

15. Он не радовался, не мучился, не впадал в сомнения, вялость и сонливость, не испытывал тяги к наслаждениям, не ненавидел и не презирал других.

16. Такая чистая мудрость, свободная от страстей, возросла у него, великого. И приблизился [к нему] человек в монашеских одеждах, не видимый другим.

17. Сын царя спросил у него: «Скажи, кто ты?» Тот ответил ему: «О бхикше среди людей, я аскет, страшущийся смерти и рождения, ради освобождения ушедший из дома.

18. Желая освобождения в преходящем мире, я, одинаково относящийся к родственникам и к чужим, устранивший порок страсти к объектам чувств, ищу благое бессмертное место.

19. Останавливаясь на ночлег где придется – то у подножия дерева, то в безлюдной хижине, то в лесу, то на горе – я странствую, ни к чему не стремящийся и ни на что не надеющийся, ради высшей истины, [питаюсь] как придётся милостыней».

20. Сказав так, он взмыл в небо на глазах у царевича, ведь он [был] небожителем, видевшим других будд в том же теле¹⁶, пришедший, чтобы [пробудить] в нём намерение¹⁷.

Как и в «Ниданакатхе», в «Махавасту» повествование начинается встречей Бодхисаттвы с буддой Дипанкарой и заканчивается проповеднической деятельностью Гаутамы. Памятник написан на буддийском гибридном санскрите. Композиция произведения довольно сложна: основное повествование многократно прерывается вставными сюжетами о предыдущих жизнях героев, прозаический текст перемежается многочисленными стихотворными вставками. Зачастую сюжеты, рассказанные прозой, повторяются в стихах в несколько измененной форме. Таким образом, в «Махавасту» один сюжет может быть пересказан до четырех раз¹⁸. Древнейшую часть памятника, которую составляет стихотворная часть текста, принято относить к первым вв. до н.э. Формирования же всего произведения шло не одно столетие и завершилось, вероятно, около IV в. н. э., при этом стихотворные части текста, более архаичные по языку и содержащие ряд

фрагментов, совпадающих с частями палийского канона, являются значительно более древними, чем проза¹⁹.

Царь Шуддходана с антахпуром и царевичем отправились в парк. Бодхисаттва, бродя по парку, достиг селения земледельцев. Там он увидел, как несут плуги. Этими плугами были вырваны [из земли] змея и лягушка. И мальчишки подобрали лягушку, чтобы съесть, а змею выкинули. И Бодхисаттва увидел это. Увидев же, Бодхисаттва сильно разволновался.

1 (1)²⁰. Пусть тело страдает вместе с душой, [но] я сегодня обрету бессмертие и освобождение от существования. Я не могу сдержать [свой] порыв, подобный стремлению океана к берегу.

Бодхисаттва сел в тени дерева джамбу, и когда солнце перемещалось в первой половине дня, тень не покидала Бодхисаттву. Он сидел, достигнув первой [ступени] медитации, [которой свойственны] размышление и рассуждение. Со стороны Гималаев двигались по небу в направлении [гор] Виндхья пять риши. Они не могли пройти над Бодхисаттвой.

1 (2). Мы не раз, подобно слону, сметая [на пути] множество деревьев манго со сплетёнными ветвями, преодолевали неизмеримо широкую гору Меру с алмазной вершиной, высоким крутым склоном.

2 (3). Мы, могущественные, достигали даже города богов и проходили в небе над домами богов и гандхарвов, но когда мы достигли этой рощи, мы обесилили. О, чьё же величие препятствует [нашей] магической силе?

Боги произнесли гатхи:

3–4 (4–5). Рождённый в роду владыки царей, сын царя Шакьев, сияющий светом утреннего солнца мудрец, чье тело отмечено лучшими признаками, ярко сияющими, превосходящими юное сияние солнца – [этот] царь пришёл сюда, в этот лес, погрузился сознанием в медитацию, и его величие, усиленное целой сотней миллионов достоинств, препятствует [вашей] магической силе.

5 (6) Именно он – светильник, зажегшийся в непроглядной тьме. Он обретёт ту дхарму, которая воодушевит мир.

6 (7) В мире, сжигаемом огнём страстей, появился великий мудрец. Он обретёт ту дхарму, которая охладит мир.

7 (8) Среди бедствий в океане горя появился лучший корабль. Он обретёт ту дхарму, которая спасёт мир.

8 (9) Трём мирам, заблудшим среди великих бедствий сансары, он, зрячий, укажет лучший путь.

9 (10) Вот уже долго эти существа заключены в темницу сансары. Царь дхармы, он освободит [их] от оков.

10 (11) Страдающие всегда хотят иметь предводителя, искусного в советах. Благодетеля они радостно почитают [подношениями] еды и питья.

Царь спрашивал о царевиче, когда наступило время принятия пищи: «Где царевич будет принимать пищу?» Услышав [вопрос] царя, служители дворца, смотрители дворца, кираты, карлики разбежались повсюду искать царевича. Служитель гарема увидел царевича, сидящего в тени дерева джамбу, [погружённого] в медитацию, и тень не покидала царевича, хотя солнце перемещалось. Евнух увидел улыбающегося счастливого царевича, которого не покидала тень, не имеющая сознания. Служитель гарема сообщил царю Шуддходане:

1 (12) Хотя продвинулся диск разгоняющего тьму, тень дерева джамбу не покидает погружённого в медитацию Сиддхартху, царя среди людей, ослепительно сияющего, отмеченного лучшими признаками, непоколебимого, словно гора.

Выслушав служителя гарема, царь пришёл к царевичу и увидел ту тень дерева джамбу. Удивлённый царь сказал:

1 (13) Он – как огонь на вершине горы; словно луна, окружённая звёздами, он даёт прохладу телам смотрящих на него; пребывающий в медитации, он подобен масляному светильнику.

Царь сказал: «Велик тот, кого так почитают даже те, кто не обладает сознанием». Царь Шуддходана поклонился в ноги Бодхисаттве, находящемуся в тени дерева джамбу.

Царь Шуддходана подумал так: «[Судя по тому], как ум царевича радуется покою медитации, правдивым окажется то предсказание риши Аситы»²¹.

«Лалитавистара», один из самых почитаемых текстов махаянского направления буддизма, повествует о жизни Будды с момента его пребывания на небесах Тушита до первой проповеди. Памятник представляет собой прозаический текст с многочисленными стихотворными вставками. Проза и стихи существенно различаются по лингвистическим признакам. Прозаические части написаны на языке, очень близком к классическому санскриту, а стихи (*gāthā*) являют собой образец буддийского гибридного санскрита. Стихотворный текст зачастую пересказывает содержание прозаического, но почти всегда несколько изменяя детали сюжета. Так, два рассказа о первой медитации далеко не во всем совпадают друг с другом. Окончательная редакция «Лалитавистары» сформировалась поздно, не ранее VI в. н. э., но ее стихотворные части, несомненно, относятся к гораздо более древнему периоду. Рассказу о первой медитации в ней посвящена 11 глава «О селении земледельцев».

И вот, о монахи, царевич подрост. И однажды пошёл он со своими друзьями, сыновьями министров, посмотреть на селение земледельцев. Посмотрев на пахоту, он вошёл в парк. Бродя и блуждая в одиночестве, без спутника, взволнованный Бодхисаттва увидел прекрасное, чарующее дерево джамбу. Там Бодхисаттва сел в [его] тени, скрестив ноги. И когда Бодхисаттва сел, то достиг сосредоточенности сознания. Достигнув [сосредоточенности], Бодхисаттва наслаждался первой [ступенью] медитации, свободной от желаний, свободной от греховных неблагих дхарм, [доставляющей] радость и удовольствие, рождённой уединением, содержащей рассуждение и размышление. Благодаря сосредоточенному сознанию, полностью успокоившемуся, [в котором] прекращены рассуждение и размышление, он наслаждался второй [ступенью] медитации, доставляющей удовольствие и радость, рождённой сосредоточенностью. Он, невозмутимый из-за блаженства и бесстрастия, наслаждался, сохраняя память и ясность [ума]. И тело его испытывало приятные [ощущения]. Как повествуют благородные, безразличный, сохраняющий память и наслаждающийся блаженством, [он] наслаждался третьей [ступенью] медитации, свободной от удовольствия. Благодаря оставлению блаженства и благодаря оставлению страдания, благодаря устранению радости и печали, он впервые наслаждался четвёртой [ступенью] медитации, лишённой блаженства и страдания, чистой благодаря безразличию и осознанности.

Тем временем, пять славных риши, исповедующих другое учение, обладающих магическими способностями и пятью сверхъестественными знаниями, направлялись, передвигаясь по воздуху, с южной стороны света в северную сторону. Пролетая над этой рощей, они, словно столкнувшись [с чем-то], не могли двигаться [дальше]. С поднявшимися от волнения волосками на теле, они произнесли такую гатху:

1. Словно слон, сметая [на пути] множество деревьев манго со сплётёнными ветвями, мы не раз напрямик устремлялись на неизмеримо широкую гору Меру с алмазной вершиной. Мы, не сдерживаемые ничем, достигали даже города богов и взбирались на небо, [где находятся] дворцы якшей и гандхарвов. Но когда мы достигли этой рощи, мы обессилили. О, чьё же величие препятствует нашей магической силе?

И тогда лесные божества, которые были там, ответили этим риши в гатхах следующее:

2. Рождённый в роду владыки царей, сын царя шакьев, сияющий све-

том утреннего солнца, сияющий цветом сердцевины распустившегося лотоса, с лицом, подобным прекрасной луне, лучший в мире, мудрец, он, почитаемый среди богов, гандхарвов, владык нагов и якшей, взрастивший миллиарды достоинств в сотнях рождений, пришёл в этот лес и погрузился в медитацию, и его величие препятствует [вашей] магической силе.

И посмотрев вниз, они увидели царевича, плавающего великолепно и духовным пылом. У них явились такие [мысли]: «Кто же это сидит? Не Вайшравана ли это, властитель богатств? Или Мара, властитель желаний? Или великий царь змей? Или Индра, обладатель ваджры? Или Рудра, повелитель Кумбхандов? Или могучий Кришна? И не божество ли это луны, сын богов? И не Солнце ли, [обладатель] тысячи лучей? А может он будет царём-чакраватином²²?» И тогда они произнесли гатхи:

3. Облик красотой превосходит Вайшравану – конечно, это Кубера. А может, это подобие [Индры], обладателя ваджры. А может, это Солнце или Луна. А может, это [Кама], верховный властитель желаний. А может, это воплощение Рудры или Кришны. А может быть, это великий Будда, безупречный, с телом украшенным признаками.

И тогда лесные божества ответили тем риши в гатхах:

4. Та красота, которая пребывает в Вайшраване, или в Тысячеглазом²³, в четырёх хранителях мира, во владыках асуров, и та красота, которая пребывает в Брахме, владыке мира, и в Кришне, рядом с этим потомком шакьев, не сравнится даже с малой частью [его красоты].

И выслушав речь этих божеств, риши спустились на землю. Они увидели медитирующего Бодхисаттву, с неподвижным телом, сиявшего, словно средоточие духовного жара. Подумав о Бодхисаттве, они восславили его гатхами. Тогда один сказал:

5. В мире, сжигаемом огнём страстей, появилось это озеро. Он знает ту дхарму, которая охладит этот мир.

А другой сказал:

6. В мире, покрытом тьмой незнания, появился светильник. Он знает ту дхарму, которая озарит этот мир.

А другой сказал:

7. Среди бедствий в океане горя появился лучший корабль. Он знает ту дхарму, которая спасёт мир.

А другой сказал:

8. У тех, кто скован узами страстей, появился освободитель. Он знает ту дхарму, которая освободит мир.

А другой сказал:

9. У терзаемых старостью и болезнью появился лучший целитель. Он познает ту дхарму, что избавляет от рождения и смерти.

И риши эти, восславив Бодхисаттву такими гатхами, обошли его трижды в знак почтения и ушли по воздуху. Царь же Шуддходана, не видя Бодхисаттву, не радовался без Бодхисаттвы. Он сказал: «Куда ушёл царевич? Я не вижу его». Множество людей тогда поспешило на поиски царевича. И один из министров увидел Бодхисаттву сидящего в тени дерева джамбу, скрестившего ноги и медитирующего. Тени всех деревьев к тому времени сдвинулись. А тень дерева джамбу не покидала тела Бодхисаттвы. Увидев его, [министр] пришёл в изумление, возрадовался, возликовал и воодушевился, и быстро, в спешке пришёл к царю и произнёс гатхи:

10. Смотри, господин, царевич медитирует в тени дерева джамбу, [он] сияет красотой и духовным пылом, словно Индра или Брахма.

11. Тень того дерева, в тени которого сидит обладающий высшими признаками, не покидает медитирующего лучшего из людей.

Тогда царь Шуддходана подошёл к этому дереву джамбу. И он увидел Бодхисаттву, сияющего красотой и духовным пылом. Увидев [его], он произнёс гатху:

12. [Он] словно огонь, помещённый на вершине горы, или словно диск луны, окружённый звёздами. У меня дрожат руки и ноги, когда я вижу его, медитирующего и [наделенного] духовным пылом, [сияющего], будто светильник.

И он, поклонившись ногам Бодхисаттвы, произнёс гатху:

13. Дважды кланялся я тебе в ноги, о господин: когда ты родился, о мудрец, и [теперь], когда ты медитируешь, о наставник.

И тогда юноши, носившие паланкины, зашумели. Министры сказали им: «Не шумите, не шумите». Они спросили: «Почему?» Министры ответили:

14. Даже когда продвинулся диск разгоняющего тьму, тень этого дерева не покидает погружённого в медитацию Сиддхартху, сына царя, озаряющего небо, отмеченного лучшими признаками, непоколебимого, словно гора.

Об этом говорится так:

15. В жаркий сезон весны, когда наступает месяц джештха²⁴, когда расцветают цветы и появляется молодая листва, когда кричат кроншнепы, павлины, попугаи и сарики, многие сыновья шакьев выходят [на прогулку].

16. Собрание юношей высказало желание: «О царевич, пойдём в лес полюбоваться [окрестностями]! Что тебе сидеть в доме, словно брахману? О, мы пойдём вместе с гетерами».

17. В полдень Чистое Существо, окружённый пятью сотнями слуг, не сообщив ни матери, ни отцу, отправился, простодушный, в селение земледельцев.

18. И в этой деревне лучшего из царей было дерево джамбу со многими раскидистыми ветвями. Увидев [его], царевич, осознающий и испытывающий страдание, воскликнул: «Увы обусловленному [существованию], много страданий причиняет земледелец [живым существам]!»

19. Бодхисаттва, укротивший ум, подошёл к дереву джамбу, взяв траву, сам сделал [себе] подстилку, сел, скрестив ноги, держа тело прямо, и погрузился [поочерёдно] в четыре чистых [ступени] медитации.

20. Пять риши, движущихся по воздуху, не могли пройти [над] верхушкой [дерева] джамбу. Они остановились, лишившись опьянения гордости, и все вместе стали осматриваться.

21. На Меру, лучшую из гор, и на [горы] Чакравала²⁵ мы поднимались, сокрушая [все], стремительно, без препятствий. А теперь не можем преодолеть дерево джамбу. Какой же окажется сегодня здесь причина этого?

22. Они спустились на землю, встали и посмотрели на сына [царя] шакьев, [сидящего] под деревом джамбу, с яркими лучами духовного пыла, подобными сиянию золота из реки Джамбу, на Бодхисаттву, медитирующего, скрестив ноги.

23. Удивлённые, они сложили над головами руки в почтении и поклонились, припав к его ногам, [говоря]: «О благочестивый, благородный, прекрасный, сострадающий миру, просветлённый, скорей, принеси нектар бессмертия [всем] существам».

24. И когда солнце меняло положение, тень не покинула Сугату, лучшее из деревьев склонилось [над ним], словно лист лотоса. Многие тысячи богов стояли, сложив руки в почтении, и восхваляли стопы его, принявшего решение [обрести просветление].

25. Шуддходана же искал [его] в своём доме, спрашивая: «Куда же ушёл мой царевич?» Сестра матери говорила, что не может найти [его], и спрашивала: «О царь, куда же ушёл царевич?»

26. Царь в волнении расспрашивал смотрителя дворца, привратника и всех людей в доме: «Видел ли кто-нибудь, как мой царевич ушёл?» И услышал: «Господин, несравненный отправился в селение земледельцев».

27. И он тут же вместе с шакьями быстро покинул [город] и увидел благостного [Бодхисаттву], поднявшегося на холм возле деревни пахарей, сияющего красотой, словно многие миллиарды взошедших солнц.

28. Сняв диадему, меч и сандалии, сложив в почтении руки над головой, он восславил его: «Верно сказано великими риши, несомненно, царевич явился [в мир] ради просветления».

29. Двадцать две сотни радостных богов и пять сотен [потомков] рода шакьев подошли тогда [к Бодхисаттве], и увидев магические способности Сугаты, океана достоинств, с твердой решимостью вознамерились [достичь] просветления.

30. Он, поколебав все три тысячи миров, пребывающий в медитации, [сохраняя] осознанность, сосредоточенность и внимательность, сияющий, обладающий голосом Брахмы, сказал отцу: «Отец, разумней в селении земледельцев:

31. Если [им] нужно золото – я рассыплю золото, если нужна одежда – я дам одежду, если нужен урожай – я пролью дождь. Будь заботящимся обо всём мире, о царь!»

32. Наставив отца в собрании людей, он сразу же вошёл в лучший из городов, подражающий [людям в этом] мире, он пребывал в городе, умом устремлённый к уходу [из дома], чистый сердцем»²⁶.

Рассмотрим наиболее важные элементы сюжета.

В каком возрасте Гаутама обрел свой первый опыт медитации? В «Махасаччасутте» никакой конкретной информации об этом нет. Согласно «Ниданакатхе», первая медитация Будды имела место через некоторое время после предсказаний восьми брахманов относительно его судьбы. Эти предсказания, в свою очередь, были произнесены сразу за обрядом наречения имени. А такой обряд совершался в Древней Индии на 10-й или 12-й день после рождения ребенка²⁷. В связи с этим, мы можем предположить, что в свою первую медитацию Гаутама погрузился в младенчестве либо в раннем детстве. Подтверждением такому предположению служит и упоминание о «няньках» (dhātī), присматривавших за царским сыном. С этим согласуется точное указание возраста царевича к моменту первой медитации в знаменитом философском диалоге «Вопросы Милинды»: «Ведь еще прежде, государь, когда шакья, его отец, пахал в поле, а сам бодхисаттва, бывший тогда месячным младенцем, лежал под гвоздичным деревом в прохладной тени, он сел, скрестив ноги, отстранил утехы, отстранил неблагие дхармы, взошел на сопровождавшуюся задумыванием и продумыванием, порожденную различием, радостную и приятную первую ступень созерцания и начал на ней движение»²⁸.

В «Махавасту» эпизод с первой медитацией Будды следует за рассказом о посещении младенца риши Аситой, который предсказал царю Шуддходане, что его сын станет великим аскетом. Асита прибыл ко двору сразу после рождения царевича, поэтому в этой версии жития Гаутама погрузился в первую медитацию в очень раннем возрасте. Но некоторые источники связывают данный эпизод с более поздним периодом его жизни.

В «Лалитавистаре» рассказу о прогулке к селению земледельцев предшествует глава о посещении Бодхисаттвой школы правописания. Начинается этот рассказ словами: «И вот, о монахи, царевич подросток». Сиддхартха отправляется на прогулку в сопровождении своих друзей, сыновей министров. Таким образом, речь не может идти о раннем детстве. В стихотворном тексте говорится, что эту кампанию сопровождают гетеры. Следовательно, ко времени первой медитации Гаутама должен был вступить в пору ранней юности.

В «Буддхачарите» Ашвагхоши Будда в первый раз медитирует незадолго до своего ухода из дома, сразу после «трех встреч», т.е. это событие произошло уже в пору, когда юность Гаутамы достигла расцвета.

Место, где пребывает медитирующий царевич, во всех источниках обозначено одинаково. Он сидит в тени дерева джамбу. Эта деталь создает дополнительную отсылку к сцене просветления, произошедшего под деревом ашваттха (дерево Бодхи). В «Ниданакатхе», «Махавасту» и «Лалитавистаре» (в стихотворном и прозаическом рассказе) тень дерева демонстрирует чудесное свойство – она застывает и не покидает погруженного в созерцание Гаутаму, несмотря на движение солнца. Однако в «Махасаччасутте» и «Буддхачарите» это чудо не упоминается.

Еще одним чудом, связанным с рассматриваемым эпизодом, является полет пяти риши. В «Махавасту» пять обладающих магическими способностями мудрецов прилетают со стороны Гималаев, то есть, с севера. Согласно «Лалитавистаре», они движутся с юга на север, то есть в противоположном направлении. В обоих текстах говорится, что они не могут пролететь над медитирующим Бодхисаттвой. Боги возвещают им, что величие Гаутамы препятствует их магической силе. Ряд стихов, входящих в эпизод с риши, в обоих памятниках совпадают почти буквально («Махавасту» (1) – «Лалитавистара» 1, «Махавасту» (4–5) – «Лалитавистара» 2, «Махавасту» (7) – «Лалитавистара» 5,

«Махавасту» (8) – «Лалитавистара» 7). Это говорит о том, что в основе обоих фрагментов лежит один древний стихотворный текст. Однако, в других источниках пять риши не упоминаются. Возможно, в «Буддхачарите» эпизод с пятью риши трансформирован в рассказ о появлении перед Гаутамой небожителя в облике подвижника, который затем возносится на небо.

Еще один элемент сюжета о первой медитации – это поклонение, которое царь Шуддходана совершает собственному сыну. В «Ниданакатхе» и «Махавасту» отец поклоняется Гаутаме, увидев чудо с неподвижной тенью. В обоих же вариантах сюжета в «Лалитавистаре» Шуддходана кланяется, пораженный величественным обликом Бодхисаттвы. Реплики царя при этом в четырех версиях имеют два варианта. Кланяясь, царь говорит, что он выражает почтение сыну второй раз («Ниданакатха» и прозаическая часть «Лалитавистары»), и думает, что предсказания риши о будущем подвижничестве сына оказались верными («Махавасту» и стихотворная часть «Лалитавистары»).

Во всех приведенных фрагментах первая медитация совершается на фоне пахоты. Однако, в разных версиях сюжета пахоту совершают разные люди.

В «Махасаччасутте» это делает отец Гаутамы. Правда, в кратком изложении этого сюжета в канонической сутте сказано лишь – «отец работал». Для обозначения рода деятельности царя употреблено палийское слово *kammanta* («работа», санскр. *karmānta*), которое встречается и в сочетании *khettakammanta* «работа в поле». Это, а также тот факт, что во время работы отца бодхисаттва сидел под деревом джамбу, свидетельствует о том, что отец, вероятно, работал в поле.

В «Ниданакатха» пахота имеет явно ритуальный характер. Она является частью «праздника сева» (*vappamaṅgala*) и также совершается самим царем. Текст дает яркое описание этого действия. В «Буддхачарите», «Махавасту» и «Лалитавистаре» царь не принимает участия в пахоте, в поле работают земледельцы. В «Махавасту» царевич покидает дворец вместе с отцом, что выглядит как рудимент более раннего варианта сюжета, в котором пахал сам Шуддходана. Согласно «Лалитавистаре» и поэме Ашвагхоши, будущий Будда выезжает на прогулку без отца.

Связь между пахотой и медитацией в разных текстах выстраивается по-разному. В тех источниках, где пахоту совершает сам царь,

никаких попыток указать некую обусловленность медитации пахотой не предпринимается. Гаутама лишь сопровождает Шуддходану на пути к полю и находится рядом с ним во время пахоты. В тех версиях, где царь «отстранен» от полевых работ вводится основополагающий для буддийской этики мотив сострадания к живым существам. Этот мотив превращает пахоту в логически оправданный элемент сюжета, эмоционально мотивирующий поведение царевича. В «Махавасту» плуг губит лягушку и змею, чьи страдания нарушают душевный покой Бодхисаттвы. В стихотворной части «Лалитавистары» говорится, что царевич поражен тем, как «много страданий причиняет земледелец [живым существам]». А в «Буддхачарите» Ашвагхоша делает из пахоты картину тотального страдания: мучаются гибнущие в земле насекомые и растения, изнурены тяжелой работой волю, страдают от ветра, пыли и зноя сами пахари. Медитация Гаутамы предстает как единственный выход из мира, обреченного на вечный круговорот мучений.

Сравнение различных версий сюжета о первой медитации позволяет гипотетически выделить те его элементы, которые могли присутствовать в первоначальном варианте.

По всей видимости, Гаутама погрузился в свою первую медитацию в детском возрасте. Агиографическая литература нередко уделяет внимание детству святого. Его детские поступки могут служить своего рода прообразом будущих чудес и великих деяний, подобно тому, как в эпосе детские подвиги демонстрируют сверхчеловеческую силу героя и предвещают славное будущее. Перемещение эпизода с первой медитацией в «Лалитавистаре» и «Буддхачарите» с периода детства в период юности связано, вероятно, со стремлением придать сюжету большую реалистичность с психологической точки зрения. Это особенно очевидно в поэме Ашвагхоши, где первая медитация происходит после ясного осознания царевичем несовершенства мира, в котором существуют старость, болезнь и смерть (три встречи) и неизбежно взаимное причинение друг другу страданий (пахота).

Место, где пребывал царевич, находилось за пределами дворца, в тени дерева джамбу. Указание породы дерева (jambu – *Eugenia Jambolana*) присутствовало в первоначальном варианте сюжета. Выбор этой породы, вероятно, был не случайным. В буддийской космологии та часть земного мира, где находится страна Бхараты (Индия), расположена на континенте Джамбудвипа, центром которого является гигант-

ское дерево Джамбу. Высшая царская власть представляется в буддийских текстах как управление всей Джамбудвипой. Возможно, пребывание мальчика Бодхисаттвы под деревом именно этой породы символизирует его будущий статус царя дхармы и спасителя для всех существ континента Джамбу.

Что касается чуда с неподвижной тенью, которую это дерево отбрасывает, то отсутствие упоминания о нем в «Махасаччасутте» позволяет считать его более поздним добавлением, которое можно объяснить тенденцией к приданию Будде статуса некоего божественного существа, возвышающегося над миром. То же можно сказать и об эпизоде поклонения царя Шуддходаны сыну. Тенденция к возвеличиванию фигуры Будды послужила поводом к включению в сюжет и эпизода с пятью риши, не способными пролететь над царевичем. Этот эпизод призван продемонстрировать, что никакой подвижник не может быть выше Бодхисаттвы.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что в оригинальной версии сюжета о первой медитации в поле пахал сам отец Гаутамы. Замену его на земледельцев следует понимать не только как желание подчеркнуть величие царского статуса, несовместимого с физическим трудом, но и как стремление избежать упоминаний о небуддийских обрядах (в данном случае – о ритуальной пахоте правителя).

Психологическая связь пахоты как образа страданий и медитации как способа освободиться от них относится к поздним обработкам сюжета. Ритуальная или праздничная царская пахота в первоначальном варианте сюжета не могла служить воплощением всемирного страдания.

Связь пахоты и медитации представляет собой главную и наиболее трудноразрешимую проблему рассматриваемого эпизода. Ее решение позволит приблизиться к реконструкции первоначального варианта сюжета.

Разумно предположить, что любые действия, сопровождающие пахоту имеют отношение к плодородию и будущему урожаю. В индийской культуре, как и во всех архаичных аграрных культурах, царь воспринимается как «супруг земли», т.е. лицо, ответственное за ее плодородие²⁹. В Индии главным фактором, обеспечивающим успех сельскохозяйственной деятельности, является своевременное (муссонное) выпадение осадков. Поэтому царь имеет непосредственное

отношение к наступлению сезона дождей. В эпосе говорится, что на территории, где правит идеальный царь, облака всегда проливают дождь («Махабхарата» 4.28.15). Если царь грешит, нарушает дхарму в любом ее аспекте – дождь не выпадает («Махабхарата» 3.110.19–36). Когда Индра, царь богов, видит, что все кшатрии-правители правят на своих территориях хорошо, он проливает потоки дождя в должное время в должном месте и таким образом проявляет заботу обо всех живых существах³⁰. В «Рамаяне» сообщается, что во время правления Рамы, дожди всегда шли вовремя³¹. В буддийских джатаках также сообщается о том, что правитель несет ответственность за выпадение осадков (джатака 194, 276). В случае засухи подданные обращаются за помощью к царю (джатака 54). Чтобы обеспечить процветание своей стране и прежде всего – обильный и регулярный урожай, царь обязан ежегодно совершать определенные ритуалы, заключающиеся в воспроизведении действий своего небесного прототипа – Индры: убийства Вритры и оплодотворение бесплодных жен демона, т. е. Земли³².

Иногда в древней Индии с целью предотвращения засухи мог совершаться обряд царской пахоты, связанный с образами Индры и Ситы-борозды, а также с символом дождевой воды-семена³³. По некоторым фольклорным вариантам легенды о рождении Ситы, царь Джанака вспахивает землю как раз во время засухи³⁴. Аналогией царской пахоте может служить обряд ритуальной вспашки старейшинами современной пенджабской деревни, имеющий целью вызвать дождь³⁵.

Ритуальная или праздничная пахота вплоть до прошлого века совершалась и в соседствующих с Индией странах Юго-Восточной Азии, испытавших сильное влияние индийской культуры. Например, в Сиаме и Бирме перед началом сезона дождей проводился обряд первовспашки, в котором главную роль играл местный царь или его временный ритуальный заместитель. Этот обряд знаменовал собой начало сезонных полевых работ³⁶. Его целью было обеспечить хороший урожай. Обряд первовспашки, который совершался в Бирме, имеет большое сходство с «праздником сева», описанном в «Ниданакатхе». На восточной стороне поля сооружали временный «дворец» для короля – этот дворец напоминает шатер для царевича из «Ниданакатхи». На праздник сходились все без исключения, от министров до бедняков. Начинал пахоту сам король. Слева и справа от него чуть впереди вели свои плуги министры королевских земель. Следующим рядом шли те, кто занимал крупные придворные должности, далее – бли-

жайшие родственники короля, затем начальники подразделений королевской конницы, и последний ряд состоял из богатых людей, приближенных к королю³⁷. В «Ниданакатхе» также говорится, что помимо царя пахоту совершали его министры и простые земледельцы. Во время первовспашки в Сиаме борозды проводились несколько раз вдоль и несколько раз поперек³⁸. Примерно таким же образом схема проведения борозд описана в «Ниданакатхе».

Интересные особенности этого обряда отмечены в его тайском варианте. В Таиланде временный наместник короля, проведя первую борозду, во время продолжения церемонии должен был стоять под деревом на одной ноге, положив правую ногу на левое колено³⁹. Такое же явление до сих пор можно наблюдать в Сиаме⁴⁰. Столь странная поза напоминает положение, в котором индийские эпические герои и подвижники совершали аскезу (tapas). Сам феномен тапаса, почти отсутствующий в Ведах, довольно широко представлен в эпосе. Тапас совершают прежде всего представители сословия кшатриев. Они практикуют аскезу ради того, чтобы получить магическое оружие, боевую мощь или неуязвимость, одержать победу над трудноодолимым врагом, либо ради обретения потомства или благополучия поданных⁴¹.

Различные аскетические практики также считались действенным способом преодоления засухи. Совершая аскезу, эпические герои претендуют на то, чтобы быть равными Индре и обрести контроль над вселенной, а значит – и над выпадением осадков⁴². Связь между аскезой и вызыванием дождя прослеживается и в древней ритуалистической литературе. В «Ригвидхане»⁴³, древнем трактате по ритуальной магии, говорится: «[Человек], желающий [вызвать] дождь, должен использовать гимн “Призывай [сильного этими хвалебными словами!]” («Ригведа» 5.83), отказавшись от пищи и нося влажную одежду; и скоро пойдет дождь» («Ригвидхана» II.17.4–5). Другой способ вызывания дождя, предложенный в том же памятнике, выглядит так: «Соблюдающий чистоту и старательный, до [уровня] рта погрузившись в воду лицом к востоку, пусть обратится к солнцу с этими двумя гимнами “[Произнеси] три [речи, впереди которых свет]” [и следующим] («Ригведа» 7.101–102). Желающий [вызвать] дождь пусть старательно произносит [эти два гимна], воздерживаясь от пищи. Когда минует пять дней, он добьется большого дождя» («Ригвидхана» II.30.1–2).

Как уже говорилось выше, детские поступки героя или святого, описанные в эпосе или житии, могут служить прообразом его будущих деяний. Первая медитация Гаутамы, также относящаяся к периоду детства, является предвестием его грядущего просветления. Сидя под деревом бодхи, Будда открыл для себя «срединный путь», путь между двумя крайностями – суровой аскезой и наслаждениями мира. Основой этого пути и явилась медитация (*dhyāna*), возникшая как своего рода «замена» тапаса, от которого он вынужден был отказаться, как от неверного способа достижения освобождения. Учитывая, что аскеза могла быть одним из компонентов ритуала первовспашки, можно предположить, что первая медитация имела какое-то отношение к тапасу, совершаемому, чтобы вызвать дождь и обеспечить урожай.

Чтобы приблизиться к первоначальному варианту рассматриваемого сюжета, обратимся к произведению, где речь прямо идет о дожде и о Будде.

«Дхания-сутта» из «Сутта-нипаты» («Сутта-нипата» 18–34) представляет собой обмен репликами в стихотворной форме между Гаутамой и домохозяином Дханией. При этом каждый из них пытается доказать преимущество своего статуса. В конце каждой реплики повторяется один и тот же рефрен, не имеющий прямой смысловой связи с их содержанием: «Если хочешь, пролей дождь, боже!» (*attha se pathhayasī pavassa deva*). После этого диалога, завершившегося репликой Будды, в сутте говорится, что пошел сильный дождь, увидев который, Дханийя признал свое поражение и вступил в буддийскую общину. В своей статье «О двух диалогических песнях палийского канона» Ю.М. Алиханова установила, что этот фрагмент сутты, наряду с некоторыми песнями из «Тхерагатхи», восходит к некоей небуддийской обрядовой песне, исполнявшейся амебийно и представлявшей собой своего рода состязание в вызывании дождя. Рефрен о дожде, перешедший в стихи сутты, превратил спор домохозяина и Будды в схожее обрядовое состязание, а дождь, пошедший после последнего повторения рефрена Гаутамой, ознаменовал собой его победу в этом споре и продемонстрировал его магическую силу⁴⁴.

В изначальном варианте предания пахота, видимо, являлась не фоном, а одной из основных частей сюжета. Первая медитация имела самое непосредственное отношение к пахоте и ее целям. Речь могла идти об обряде, сходном с обрядом первовспашки, проводившемся в

Таиланде, где царь сначала проводил первую борозду, а затем имитировал позу тапасвина. Этот сюжет мог оказаться пригодным для рассказа о первой медитации Будды, заменившей одно из действий, направленных на вызывание дождя – аскезу царя. Первоначальный вариант предания мог представлять собой рассказ о том, как «чудесный ребенок», сидя на краю поля и сосредоточив свою мысль, смог обеспечить выпадение дождя и достижение целей аграрного ритуала. Отголоском былого содержания эпизода может служить такая реплика из стихотворной части текста «Лалитавистары», которую Гаутама произносит сразу после первой медитации: «Отец, разужай в селении земледельцев: если [им] нужно золото – я рассыплю золото, если нужна одежда – я дам одежду, если нужен урожай – я пролью дождь».

Когда этот сюжет эволюционировал в буддийской традиции, первым шагом его трансформации могло быть переосмысление функции медитации. В буддизме главной ее целью является достижение блаженства в отсутствии страстей и освобождение. Поэтому связь эпизода с аграрной магией была утрачена, работа в поле превратилась в простой фон основного действия, а медитация стала самоценной. В «Ниданакатхе» и, возможно, в «Махасаччака-сутте», где говорится о работе Шуддходаны в поле, пахота еще носит ритуальный характер. Со временем она полностью утратила обрядовые черты и начала осмысляться как своего рода импульс, побудивший царевича, опечаленного муками живых существ и пахарей, страдающих при полевых работах, погрузиться в созерцание.

Таким образом, учитывая, что Гаутама был сыном царя и сам по своей сути являлся царем дхармы на всей Джамбудвипе⁴⁵, медитация в рассматриваемом нами сюжете могла в изначальном варианте представлять собой аскезу царя с целью вызвать дождь, сопутствующую обряду вызывания дождя при помощи ритуальной пахоты.

Примечания

1. Критику игнорирования религиозного элемента в буддизме и превращения его в философскую систему см.: *De Caroli R. Haunting the Buddha: Indian Popular Religions and the Formation of Buddhism*. New York: Oxford University Press, 2004.

2. См., например: *Vetter T.* The Ideas and Meditative Practices of Early Buddhism. Leiden: Brill, 1988; *Wynne A.* The Origin of Buddhist Meditation. New York: Routledge, 2007.
3. *Horsch P.* Buddhas erste Meditation // *Asiatische Studien.* 1964. № 3. P. 100–154.
4. *Hermann Oldenberg.* Buddha. His Life, His Doctrine, His Order. Tr. by William Hoey. Varanasi: Pilgrims Publishing, 2000.
5. *Horsch P.* Buddhas erste Meditation. P. 104–105.
6. *Ibid.* P. 115.
7. *Ibid.* P. 107.
8. *Ibid.* P. 109.
9. Название этого произведения можно перевести по-разному: «Изящный пространный [рассказ]», «Пространный [рассказ] о прекрасном», «Пространный [рассказ] об игре [Будды]».
10. URL: <http://tipitaka.org/romn/> Дата обращения: 9.01.2011
11. *Winternitz M.* A History of Indian Literature. Delhi: Motilal Banarsidass, 1977. Vol. 2. P. 189.
12. «Праздник сева» (*vappamaṅgala*) – словарь пали предлагает переводить это сочетание как «ploughing festival» (*Pali-English Dictionary / Ed. by T.W. Rhys Davids and W. Stede.* London: The Pali Text Society. 1952. Vol. 5. P. 59.), наш перевод передает более буквальное значение.
13. Первый раз царь выказал почтение сыну сразу после рождения Гаутамы.
14. Перевод сделан по изданию: *The Jataka, Together With Its Commentary, Being the Tales of the Anterior Births of Gotama Buddha / Ed. by Fausboll V.* London: Luzac, 1964.
15. *Winternitz M.* *Op. cit.* P. 264–265.
16. Т.е. в этой жизни.
17. Перевод сделан по изданию: *Aśvaghōṣa's Buddhacarita or the Acts of the Buddha / Ed. and transl. by Johnston E. H.* Delhi: Motilal Banarsidas, 1998.
18. *Winternitz M.* *Op. cit.* P. 241.
19. *Ibid.* P. 247.
20. Здесь и далее в цитируемом фрагменте сначала дается нумерация стихов санскритского издания, затем в скобках – сквозная нумерация.
21. Перевод сделан по изданию: *Mahāvastu Avadāna / Introduction and preface by Dr. Radhagovind Basak; ed. by Dr. S. Bagchi.* Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Researches in Sanskrit Learning, 2003. Vol. II. P. 32–35.
22. «Чакравартин» (*cakravartin*) – букв. «вращающий колесо» – согласно буддийской мифологии, царь, правящий всем континентом Джамбу, то есть всем полуостровом Индостан.

23. «Тысячеглазый» (sahasrekṣaṇa) – одно из имен Индры.
24. Видимо, имеется в виду месяц jaiṣṭha, соответствующий периоду второй половины мая, первой половины июня, когда полная луна находится в созвездии jṣṭha.
25. «Чакравала» (cakravāla) – согласно буддийской космологии, железная горная цепь, очерчивающая границу буддийского мира, самая низкая из восьми горных цепей, окружающих гору Меру.
26. Перевод сделан по изданию: Lalitavistara / Ed. by P. L. Vaidya. Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Researches in Sanskrit Learning, 1958. P. 90–95.
27. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М.: Высшая школа, 1990. С. 94.
28. Вопросы Милинды / Пред., комм. и пер. А. В. Парибока. М.: Наука, 1989. С. 270.
29. Об ответственности за выпадение осадков царей и вождей в архаичных культурах см. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1983. С. 87–89.
30. Gonda J. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden: Brill, 1969. P. 7.
31. Ibid. P. 11.
32. Васильков Я. В. Земледельческий миф в древнеиндийском эпосе (Сказание о Ришьяшринге) // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 112.
33. Там же. С. 113.
34. Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука, 1974. С. 272 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
35. Васильков Я. В. Указ. соч. С. 113–114.
36. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М.: Наука, 1993. С. 208–209, 255–257, 261.
37. Там же. С. 255–257.
38. Там же. С. 261.
39. Там же. С. 209.
40. Васильков Я. В. Указ. соч. С. 113.
41. Там же.
42. Там же. С. 112–113.
43. Перевод сделан по изданию: Rigvidhana / Ed. by R. Meyer. Berlin, 1878.
44. Алиханова Ю. М. О двух диалогических песнях палийского канона // Литература и театр древней Индии. М.: Восточная литература, 2008. 287 с.
45. Gonda J. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden: Brill, 1969. P. 126.